ИСЛАМ И КУЛЬТУРА
Ответственный за рубрику: Сефербеков Р.И.
© Исламоведение. 2021. Т. 12, № 1 (47)

ISLAM AND CULTURE
Person in charge of the section: Seferbekov R.I.
© Islamic Studies (Islamovedenie). 2021. Vol. 12,
№ 1 (47)

DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-1-83-94

УДК 2-673.5

Содержание статьи

Информация о статье

Р.Р. Агишев¹
О.Н. Баринаева²
И.В. Манаева³

Введение
Проблематика похоронно-поминальной обрядности татар-мишарей региона в историографии
Манипуляция железными предметами в погребальном обряде
Поминальная трапеза
Чтение поминальных молитв
Обряд исыят
Векторы трансформации похоронно-поминальной обрядности
Заключение

Поступила в редакцию: 15.01.2021.
Передана на рецензию: 22.01.2021.
Получена рецензия: 08.02.2021.
Принята в номер: 22.02.2021.

Похоронно-поминальная обрядность татар-мишарей Республики Мордовия

Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»; agishev2019@gmail.com,
bolgarri@mail.ru, manaeva.i.v@mail.ru

В мусульманских сообществах современной России активно протекают процессы реисламизации, приводящие к трансформации традиционных обрядов. Изучение происходящих изменений (как правило, сопровождающихся исчезновением этнических ритуалов) остается важной научной задачей. В рамках статьи рассматриваются погребальные обряды татар-мишарей Республики Мордовия – их содержание и трансформация. Анализ показывает, что на территории региона во второй половине XX в. сложилась синкретическая традиция проведения погребальных обрядов татар-мишарей. В похоронно-поминальный комплекс были включены ритуалы и элементы ритуалов неисламского характера, заимствованные из иных религиозных, этнических и культурно-мировоззренческих систем. В начале XXI в. активизировался процесс приведения погребального комплекса татар-мишарей Республики Мордовия к исламскому канону. Отличительной чертой процесса стало осуждение части обрядов и элементов обрядов, не соответствующих мусульманским канонам.

Ключевые слова: похоронно-погребальные обряды, синкретизм, татары-мишари, мусульманский канон.

¹ Руслан Ряфатович Агишев – ведущий научный сотрудник Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»; кандидат исторических наук; orcid.org/0000-0003-0179-8336.

² Ольга Николаевна Баринаева – старший научный сотрудник Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»; orcid.org/0000-0002-3527-455X.

³ Ирина Владимировна Манаева – научный сотрудник Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»; orcid.org/0000-0002-4530-9699.

DOI: 10.21779/2077-8155-2021-12-1-83–94

UDC 2-673.5

Content of the article

Information about the article

R.R. Agishev⁴
O.N. Barinova⁵
I.V. Manaeva⁶

Introduction.
The problems of funeral and memorial rites of Mishar Tatars of the region in historiography.
Manipulation of iron objects in the funeral rite.
Memorial meal.
Reading memorial prayers.
The *iskyat* ritual.
Vectors of transformation of funeral and memorial rites.
Conclusion.

Received: 15.01.2021.
Submitted for review: 22.01.2021.
Review received: 8.02.2021.
Accepted for publication: 22.02.2021.

Funeral and Memorial Rites of Mishar Tatars of the Republic of Mordovia

Public agency of the Republic of Mordovia “Research Center for Socio-Economic Monitoring”; agishev2019@gmail.com, bolgarri@mail.ru, manaeva.i.v@mail.ru

In Muslim communities of contemporary Russia, the processes of re-Islamization are actively taking place, leading to the transformation of traditional ritual. The study of the ongoing changes (usually accompanied by the disappearance of ethnic rituals) is an important research task. The article examines the funeral rites of Mishar Tatars of the Republic of Mordovia – their content and transformations. The analysis shows that in the territory of the region in the second half of the 20th century there was a syncretic tradition of carrying out funeral rites of the Mishar Tatars. The funeral and memorial combination included rituals and elements of rituals of a non-Islamic nature, borrowed from other religious, ethnic, cultural and ideological systems. At the beginning of the 21st century, the process of bringing the burial and memorial rites of Mishar Tatars of the Republic of Mordovia to Islamic canon was intensified. A distinctive feature of the process was the exclusion from the ritual practice of all rites and elements of rites that do not correspond to Muslim canons.

Keywords: *Funeral and memorial rites, syncretism, Mishar Tatars, Muslim canon.*

Введение

Современное развитие исламских сообществ Российской Федерации в большей степени определяется протекающими процессами реисламизации, в рамках которых активно продвигается идея о существующих в регионах искажениях в мусульманской ритуальной практике и необходимости «очищения ислама» [10, с. 131]. Одновременно актуализируется тренд на специфическое исполнение российскими мусульманами обрядов, сформировавшихся в особых этнических географических условиях российских регионов.

Актуальность обращения к теме региональных вариантов бытования мусульманских обрядов (в частности похоронно-поминальных) обусловлена в том числе недостаточной исследовательской базой, не отражающей всей специфики

---

⁴ Ruslan Ryafatevich Agishev – Cand. Sc. (History), leading researcher, public agency of the Republic of Mordovia “Research Center for Socio-Economic Monitoring”; orcid.org/0000-0003-0179-8336.

⁵ Olga Nikolaevna Barinova – senior researcher, public agency of the Republic of Mordovia “Research Center for Socio-Economic Monitoring”; orcid.org/0000-0002-3527-455X.

⁶ Irina Vladimirovna Manaeva – research fellow, public agency of the Republic of Mordovia “Research Center for Socio-Economic Monitoring”; orcid.org/0000-0002-4530-9699.

практикуемых ритуалов и их трансформацию в местах компактного проживания татар-мишарей⁷ республики. Татары-мишари обладают специфическими этнокультурными чертами, часть которых сформировалась в рамках длительных контактов с мордовскими и тюркскими племенами.

В рамках статьи предпринимается попытка проследить векторы и особенности трансформации некоторых похоронно-поминальных обрядов (и их элементов) татар-мишарей Республики Мордовия во второй половине XX – начале XXI в: манипуляции с металлическими предметами при подготовке места погребения и умершего к захоронению; поминальная трапеза; моления, предваряющие и сопровождающие поминальную трапезу, ритуал выкупа грехов усопшего – искят.

Проблематика похоронно-поминальной обрядности татар-мишарей региона в историографии

Изучение культуры и быта татар-мишарей наряду с другими субэтнотатами татарского народа начинается с середины XIX в. Появляющиеся публикации, акцентируя внимание на различных аспектах общественных и семейных отношений татар-мишарей, целенаправленно не касались вопросов специфики и трансформации похоронно-поминальной обрядности.

Во второй половине XX в. появляются первые монографические исследования материальной и духовной культуры татар-мишарей, обобщающие результаты многолетних этнографических экспедиций: «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» (1967 г.) и «Татары-мишари: историко-этнографическое исследование» (1972 г.). Авторы, анализируя проводы и поминание умершего, указывают на то, что в ритуалах переплелись исламские обряды с доисламскими [8, с. 185].

Заслуживает внимания монография «Татары», содержащая обширные сведения о похоронно-поминальных обрядах и обычаях татар-мишарей темниковской и лямбирской этнографических групп. В исследовании указывается на сложение общенационального ритуала похоронно-поминального обряда, в котором продолжают сохраняться многие традиционные формы, идущие из глубины веков [9, с. 369].

В книге Шарафутдинова Д.Р., Садыкова Р.Б. «Семейные и календарные обычаи и обряды татар» рассматривается традиционная обрядность татарского народа, в том числе и татар-мишарей Мордовии. Авторы отмечают, что похоронно-поминальные традиции татар, связанные с исламом и древними верованиями, складывались в зависимости от конкретной обстановки и определенной социальной основы [14, с. 55].

В диссертационном исследовании Аббаса Али Хасона «Семейная обрядность татар-мишарей мордовского края в конце XIX – начале XX в.» прослеживается мысль о том, что в похоронно-поминальной обрядности татар-мишарей наряду с мусульманскими догматами бытовала незначительная доля языческих представлений [1, с. 21].

Представляет интерес статья Агишева Р.Р., Бареева М.Ю. «Региональные особенности некоторых традиций и обычаев в современном исламе». Авторы, в

---

⁷ Татары-мишари – субэтнос волго-уральской группы татар, сформировавшийся на правобережье Волги вплоть до правобережья Оки. В этногенезе татар-мишарей, несмотря на отсутствие единого мнения об их происхождении, традиционно выделяют три основных компонента: булгары, кипчаки, бургасы и мочары. Татары-мишари – сунниты, придерживающиеся ханафитского мазхаба.

частности, указывают на то, что специфика и форма трапезного поминовения умерших у татар-мишарей Мордовии являются примером культурной диффузии традиций и обычаев мусульман и православных христиан [3].

Несмотря на интерес к указанной проблематике, сложившаяся аналитическая база не позволяет в полной мере проследить особенности и трансформацию похоронно-поминальных традиций и обычаев татар-мишарей в местах их компактного проживания на территории Республики Мордовия во второй половине XX – начале XXI в. Поэтому мы рассмотрим их. Отметим, что в нашем исследовании акцент делается на изучении лишь отдельных элементов обрядов, которые под влиянием различных факторов претерпели существенные изменения.

Основой данной статьи послужили результаты полевого исследования «Похоронно-поминальный традиционный комплекс татар-мишарей Республики Мордовия», проведенного методом интервью в 2017–2020 гг. Выбранный метод позволил сделать ретроспективный анализ эволюции похоронно-поминальных традиций и обрядов татар-мишарей через призму жизненного опыта представителей нескольких поколений. В ходе интервьюирования фиксировалось не только знание респондента о прошлом и настоящем состоянии мусульманского ритуального комплекса, но и понимание, оценка им происходящих изменений. Респонденты отбирались методом «снежного кома». Итоговое число составило 23 человека, которые были проинтервьюированы в местах компактного проживания татар-мишарей: г. Саранск, г. Рузаевка, с. Аксеново, с. Белозерье, с. Инят, с. Кривозерье, с. Латышовка, с. Лямбиль, с. Большая Поляна, с. Татарские Юнки, с. Хаджи. Методом включенного наблюдения исследовался похоронно-поминальный обряд (с. Татарские Юнки Торбеевского района, 2017 г., 2018 г., 2019 г.). Изучались отчеты уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК СССР (Совете Министров с 1946 г.) по Мордовской АССР.

Манипуляция железными предметами в погребальном обряде

Предпогребальный и погребальный ритуал у татар-мишарей в середине XX в. представлял собой наиболее устойчивый и близкий к канонической мусульманской версии обряд. Действия участников обряда – подготовка умершего к погребению, подготовка места захоронения и само погребение – были расписаны в соответствии с шариатом. Наряду с канонической частью широко практиковались и вариативные элементы, которые тем не менее воспринимались соответствующими исламским канонам на всей территории компактного проживания татар-мишарей. Наиболее характерным примером следует считать использование в погребальных действиях железных предметов, что наделялось особым смыслом. Металлические предметы клали на грудь умершему («чтобы джинн не тронул») [9, с. 362], инструменты из железа до момента погребения помещали в выкопанную могилу («для охраны могилы») [14, с. 56], после выноса тела на кровать покойного клали железные ножницы [16, с. 20], в выкопанную могилу кидали мелкие монеты (выкуп места в случае встречи останков прежних захоронений при копке могилы), на могильный холм и под основание ограды клали монеты (в с. Большая Поляна Кадошкинского района), горсть монет опускали в посуду с водой для обмывания покойного (в с. Сургодь Торбеевского района). В такого рода манипуляции с металлическими предметами в рамках погребального обряда верующие вкладывали, прежде всего, защитно-охранительный смысл. Это защита могилы от джиннов и иных потусторонних существ, способных причинить умершему вред; очищение воды, предназначенной для обмывания покойного, от отрицательной энергии; и т. д. Реже целью называлось поминовение

умершего. В частности, в с. Большая Поляна Кадошкинского района мелкие монеты раньше оставлялись родственниками умершего на кладбище для того, чтобы взявший их помолился за покойного.

Традиция использования различного рода железных предметов в качестве апотропеического средства встречается у многих народов, проживающих на территории России. Мордовцы тело умершего обводили ножом, кидали вслед похоронной процессии железные предметы; чуваша брали для обмывания умершего воду из реки, предварительно положив туда топор или косарь; удмурты, возвращаясь с кладбища, проводили лопатой или топором черту поперек дороги, чтобы покойный не мог «вернуться» домой; русские ударяли топором или ножом по лавке, где стоял гроб [5, с. 46]; карелы бросали в могилу медные монетки [6, с. 109]; и т. д. Традиционно включение действий с металлическими предметами в похоронный обряд исследователями связывается с языческими верованиями в магическую силу железа, которая обуславливалась его связью со стихиями огня и воды [5, с. 45].

Поминальная трапеза

Следующим элементом похоронно-поминального комплекса татар-мишарей, испытавшим на себе влияние со стороны древних (языческих) и христианских форм поминовения умерших, выступает поминальная трапеза. Изначальный смысл последней состоял в том, что умершие, продолжая жить на том свете, нуждаются в поминании живыми родственниками и могут причинить вред за невнимание к ним [13, с. 348]. В наличии разветвленного и четко структурированного поминального обряда у народов России, татар-мишарей в частности, исследователи видят яркое проявление бытовавшего когда-то культа умерших, то есть «обожествление покойных родственников» [13, с. 348]. Последнее превращало поминальную трапезу в языческий обряд своеобразного жертвоприношения, позволявшего взамен у богов просить помощи в разных делах. Для самих татар-мишарей поминальная трапеза выступала естественным продолжением похоронного обряда, не противоречащим мусульманским канонам: *«всегда так было»* (мужчина, 69 лет, с. Татарские Юнки Торбеевского района); *«всегда старались делать так, как раньше было»*, *«наши дедушки давно справляют поминки»* (мужчина, 89 лет, с. Лямбиль Лямбирского района); *«по традиции давно поминки проводим»* (женщина, 64 года, с. Сургодь Торбеевского района); *«сколько помним, столько и проводим поминки»* (женщина, 49 лет, с. Латышовка Кадошкинского района); *«всегда проводили, так как это дань уважения нашим близким»* (женщина, 63 года, с. Большая Поляна Кадошкинского района) и т. д.

Многочисленные свидетельства этнографических экспедиций (1946 г.⁸, 1971–1986 гг.⁹) в Волго-Уральском регионе РСФСР указывают на сформированность единого порядка поминок, складывание своеобразного стандарта с определенными днями проведения поминального обеда, количеством

---

⁸ В 1946 г. для изучения материальной и духовной культуры казанских татар в районах Среднего Поволжья Институтом языка, литературы и истории имени Г.И. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР была организована этнографическая экспедиция под руководством Н.И. Воробьева.

⁹ С 1971 по 1986 г. для крупномасштабного обследования татарского населения Волго-Уральского региона было проведено 28 экспедиций сотрудников Института языка, литературы и истории имени Г.И. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, руководителями которых в разное время являлись Р.Г. Мухамедова и Ю.Г. Мухаметшин.

приглашаемых лиц, видами блюд и садака. Часть указанных элементов свойственна и другим тюркоязычным народам (в частности, определенные дни поминовения) [2, с. 222]. Поминки у татар-мишарей региона представляют собой многократное действие, проводимое на третий, седьмой, сороковой и пятьдесят второй день после похорон, а также через один год. Респонденты, отмечая хронологическую специфику поминок, в основной своей массе не могли обосновать выбор именно этих дней в качестве поминальных. Чаще всего указывали, что «так заведено с давних времен». Существенно реже респонденты отмечали особый ритуальный смысл указанных дней: *«на третий день в могилу спускаются ангелы»; «на седьмой день взвешиваются добрые и греховные дела умершего»; «до сорокового дня душа живет в доме, а потом покидает и переселяется в иной мир»; «на пятьдесят второй день плоть отделяется от костей и это приносит покойному тяжкие страдания»* и т. д. Незначительная часть респондентов, в частности, имеющих религиозное образование, заявляли, что выбор данных дней совершенно не связан с требованиями ислама. По исламскому канону поминальные мероприятия разрешено проводить только на третий день. Более того, в шариате осуждается проведение поминок в указанные дни (7-й, 40-й, 52-й и через год после захоронения) [12, с. 376].

Наполнение поминальной трапезы менялось на протяжении второй половины XX в. Характеризуя поминальный стол в послевоенное десятилетие, респонденты указывают на его скудность: *«на стол собирали то, что ели в обычные дни – каша, картошка, беляши и салма»* (мужчина, 69 лет, с. Татарские Юнки Торбеевского района), *«на столе обязательно были вода, соль, хлеб и другая обычная еда»* (мужчина, 89 лет, с. Лямбиров Лямбирского района), *«еды было немного – салма, хлеб, соль, вода, каша рисовая, чай и мед»* (женщина, 64 года, с. Сургодь Торбеевского района), *«готовили повседневную еду»* (мужчина, 86 лет, с. Татарская Пишля Рузаевского района). В одних селах из поминальной трапезы исключались рыба, помидоры и блины (мужчина, 89 лет, с. Лямбиров Лямбирского района; женщина, 64 года, с. Сургодь Торбеевского района); мясо курицы, соленья и казе (мужчина, 58 лет, с. Кривозерье Ромодановского района); в других селах добавлялись особые ритуальные блюда – небольшие продолговатые пресные хлебцы (чугэльдек, самса) (мужчина, 86 лет, с. Татарская Пишля Рузаевского района; женщина, 49 лет, с. Латышовка Кадошкинского района; мужчина, 63 года, с. Белозерье Ромодановского района).

В конце XX – начале XXI в. наполнение поминального стола приобретает, по сути, праздничный характер. Расширяется ассортимент блюд (допускается использование неэтнических рецептов кушаний), в поминальную пищу включаются новые продукты и напитки (конфеты, сгущенное молоко, фрукты, соки, лимонад и т. д.), что обуславливалось возросшим достатком татар-мишарей. На столе повсеместно появляются блюда из мясных полуфабрикатов, разнообразные салаты (в том числе из морепродуктов), икра, магазинная выпечка (в частности торты, пирожные). Ставятся несколько видов вареной и копченой колбасы, сыра, соленой и копченой рыбы. Формируются новые неформальные правила подачи и оформления блюд. Складывается и широко распространяется убежденность в том, что богатый поминальный стол необходим для «правильных» проводов умершего.

Чтение поминальных молитв

Неотъемлемой частью поминального обряда остается чтение молитв перед застольем. Приглашение муллы (или человека, его заменяющего) и чтение им отрывков из Корана, по свидетельству респондентов, было обязательным условием

поминальной трапезы во все дни обряда (на третий, седьмой, сороковой, пятьдесят второй день и через один год). Порядок и особенности чтения мусульманских молитв определялись спецификой бытования ислама в поселениях. В рамках обряда складывались достаточно оригинальные ритуалы (или их элементы), имеющие отдаленное отношение или совсем не имеющие отношение к мусульманским канонам. Это особое распевное чтение молитв, напоминающее православные поминальные песнопения (в с. Большая Поляна Кадошкинского района); «специальный подсчет прочитанных присутствующими людьми молитв, которые на том свете будут зачтены умершему в счет неисполненных им обязательных мусульманских ритуалов» (в с. Татарская Пишля Рузаевского района и с. Хаджи Лямбирского района); «зарядка воды святостью от читаемых молитв» (в с. Хаджи Лямбирского района) и т. д.

Остановливаясь на ритуалах подсчета молитв и «зарядки» воды, можно увидеть их сходство с таковыми в христианской практике поминовения. Респонденты, рассказывая о значении обряда подсчета молитв, высказывали несколько взаимосвязанных точек зрения. Во-первых, число прочитанных присутствующими молитв (специальный человек считал количество и виды молитв) должно было перекрывать гипотетическое число неисполненных умершим обрядов и ритуалов и нивелировать часть или всю массу накопленных грехов. Во-вторых, бытовало мнение, что «читаемые большим числом людей молитвы увеличивают благосклонность Бога к просьбам родственников». Подобная вера в способность молитв облегчать положение усопшего прослеживается и в православной традиции (в отличие от католицизма или протестантизма), согласно которой можно изменить посмертную участь умерших благодаря молитвам о них живых [4, с. 489]. Параллели с христианским вероучением и отчасти с магическими практиками прослеживаются также при рассмотрении содержания ритуала «зарядки» воды. Верующие устанавливали сосуды с водой рядом с тем, кто читает молитвы. Считалось, что произнесенные священные слова из Корана или Сунны передают святость жидкости. В результате ритуала, как указывали респонденты, «жидкость получала особые свойства – ослабляла боль верующего, не портилась долгое время».

Единообразие в видах молитв, предваряющих поминальную трапезу, отсутствовало. Читались различные суры из Корана (Аль-Фатиха, Алиф Лам Мим, Ясин и т. д.) и произвольные дуа с мольбой о прощении грехов умершего (своими словами или словами из Сунны), что приводило к существенному разнообразию молитв. В условиях почти повсеместного отсутствия лиц с религиозным образованием и преклонного возраста мулл, молитвы нередко звучали невнятно, искажались отдельные слова и целые фразы. В конце 80-х гг. таких лиц начали называть «календарь-мулла», намекая на основной источник их религиозных знаний – мусульманский настенный календарь (мужчина, 86 лет, с. Татарская Пишля Рузаевского района).

Обряд исыят

Оригинальным обрядом, практиковавшимся татарами-мишарями во второй половине XX в., был обряд выкупа грехов усопшего (исыят). Распространенный в прошлом в большинстве татарских сел региона [7, с. 127] в настоящее время обряд практикуется лишь в некоторых поселениях Лямбирского и Ромодановского районов.

Исыят базируется на вере в то, что в результате определенных символических манипуляций можно перенести грехи с усопшего на живого человека с выплатой им определенного штрафа. Обряд отличается достаточно

высокой проработанностью: есть мусульманское или псевдомусульманское обоснование, каждое действие структурировано в соответствии с бытующими правилами, сформулированы исключения из правил.

Обряд состоит из цепочки последовательных ритуальных действий:

– Подсчет количества грехов покойного. В соответствии с коллективным мнением априори считается, что умерший грешен. Каждый прожитый покойным год, начиная с восьмилетнего возраста для девочек и двенадцатилетнего возраста для мальчиков, прибавляет один грех. В частности, человек, умерший в возрасте восьмидесяти лет, согласно указанной системе подсчета, накопил за свою жизнь не менее шестидесяти восьми греховных деяний.

– Подсчет стоимости штрафа за неискупленные грехи. Стоимость штрафа в настоящее время рассчитывается в достаточной степени условно и складывается из находящихся в доме ценностей (драгоценные камни, ювелирные украшения из золота, металлические монеты). В 50–60-е гг., по свидетельству респондентов, подсчет производился более скрупулезно и строго. Подсчитывались не только неисполненные посты, но и пропущенные или некачественно исполненные намазы, штраф за каждый из которых приравнивался к стоимости примерно полкилограмма зерна пшеницы.

– Непосредственно ритуал выкупа грехов. Два человека – мулла и родственник умершего – садились друг напротив друга и начинали проговаривать особые словесные формулы. На первом круге ритуала мулла спрашивал: *«Берешь ли грехи этого человека [имя усопшего] на себя?»*, родственник умершего отвечал: *«Беру грехи этого человека [имя усопшего] на себя»*. На втором круге ритуала мулла спрашивал: *«Даешь ли ты штраф за грехи этого человека [имя усопшего]?»*, родственник умершего отвечал: *«Даю штраф за грехи этого человека [имя усопшего]»* и передавал тканый узелок с ценностями. На третьем круге, завершающем цикл искупления одного греха, ценности возвращались обратно. Многократное полное проговаривание единообразных словесных формул занимало довольно продолжительное время (два – три часа), что постепенно привело к их сокращению до *«берешь? – беру»* / *«даешь? – даю»* (мужчина, 86 лет, с. Татарская Пишля Рузаевского района; мужчина, 89 лет, с. Лямбиль Лямбирского района).

В настоящее время, по свидетельству респондентов, отношение к обряду ищут у большей части верующих настороженно-негативное, что обусловлено как утратой традиции практикования обряда, так и распространением мнения о его несоответствии канонам ислама. Религиозные лидеры региона, негативно оценивающие обряд, указывают на присутствие в нем заимствований из суфийских религиозно-мистических практик.

Сложившаяся во второй половине XX в. специфика бытования отдельных погребальных ритуалов у татар-мишарей характеризуется включением в похоронно-поминальный комплекс ритуалов или элементов ритуалов неисламского характера, заимствованных из иных религиозных, этнических и культурно-мировоззренческих систем. Последнее позволяет говорить о становлении во второй половине XX в. синкретической традиции практикования обрядов похоронно-поминального комплекса татар-мишарей. Синкретичность в данном контексте определяется не только смешением разных религиозных, этнических и культурных компонентов, но и «незавершенностью процесса трансформации вероучения» [11, с. 50].

Оценивая практикование немусульманских ритуалов в похоронно-поминальном комплексе татар-мишарей в исследуемый период, можно говорить о следующих причинах складывания указанной ситуации:

– Сложившееся вокруг мест компактного проживания татар-мишарей полиэтническое и мультикультурное окружение. На протяжении длительного исторического периода исламское вероучение в Республике Мордовия развивалось «в рамках культурного пространства целого ряда цивилизованных традиций – христианских, финно-угорских, среднеазиатских, арабских и т. д.» [3]. Последнее во многом способствовало «формированию локального комплекса обрядовой культуры мишарей, являющегося частью обрядности волго-уральских татар» [1, с. 1].

– Практически полное исчезновение к середине XX в. в татарских поселениях мечетей и лиц с религиозным образованием и соответственно нарушение преемственности религиозных знаний [7, с. 119]. К 1940 г. в регионе оставались открытыми лишь 4 мечети из примерно 130¹⁰. В 1954 г. из всех татарских сел республики только в с. Алтары был мулла с религиозным образованием [7, с. 120].

Векторы трансформации похоронно-поминальной обрядности

В последние три десятилетия в бытовании погребальных обрядов татар-мишарей Республики Мордовия происходят серьезные изменения, общий вектор которых направлен на полное исключение всех этнических, языческих и неисламских ритуалов (и их элементов) из похоронного комплекса. Выделим некоторые особенности процессов трансформации отдельных похоронных обрядов татар-мишарей в регионе.

Во-первых, вектор изменений похоронного комплекса татар-мишарей направлен в сторону унификации, анонимизации, обеднения (исключения неодобряемых обрядов или их элементов) и приближения к мусульманскому канону, продвигаемому активной частью мусульманского сообщества республики. В этой связи респонденты констатировали исчезновение или редкое практикование отдельных погребальных обрядов или их элементов. В частности, уходят в прошлое манипуляции с металлическими предметами, которые начинают четко ассоциироваться с осуждаемыми магическими практиками. Все больше приветствуется исполнение похоронно-поминальных ритуалов не по старинке («как раньше было», «как делали наши бабушки и дедушки»), а в полном соответствии с шариатом. Вопрос о каноничности или неканоничности определенных обрядов становится «маркером принадлежности верующего к традиционным или нетрадиционным мусульманам, что прослеживается и в других сообществах мусульман России» [15, с. 99].

Во-вторых, процесс трансформации носит противоречивый характер и имеет существенные территориальные различия. Мусульманское сообщество быстрее и радикальнее всего дистанцируется от некоторых вариаций похоронного обряда в населенных пунктах, религиозные организации в которых активно продвигают мусульманскую повестку дня в местном сообществе. В результате самоорганизации верующих и жесткой позиции мусульманских лидеров похоронно-поминальные обряды здесь в наибольшей степени приблизились к ритуальному образцу, практикуемому мусульманами Саудовской Аравии. Абсолютное большинство похоронных ритуалов, не соответствующих мусульманским похоронным канонам, объявляются нежелательными или запретными нововведениями. В частности, в с. Белозерье Ромодановского района

---

¹⁰ ЦГАРМ. Ф. Р-234 (Президиум Верховного Совета Мордовской АССР). Оп. 4. Д. 216 (Проект Указа Президиума Верховного Совета Мордовской АССР о закрытии мечети в селе Белозерье Лямбирского района, 14–19 декабря 1940 г.). Л. 4–9.

мусульманские лидеры к числу запретных для верующих деяний причисляют проведение поминальных застолий, установку фотографий умерших на надгробных памятниках, посещение кладбищ женщинами, некоторые формы ухода за могилой (посадка деревьев, кустарников и цветов), установку выделяющихся надгробных памятников и т. д. В поселениях татар-мишарей, проживающих, как правило, в западной части Республики Мордовия, в похоронно-поминальной обрядности меньше динамики, что в основном определяется низкой активностью верующих и местных религиозных лидеров. В поселениях этой части региона многие синкретические элементы похоронного обряда стали гармоничной его частью и почти не подверглись трансформации. В частности, неизменными остались неписанные правила проведения поминальных застолий (периодичность, виды подаваемых блюд, характер садака и т. д.). Исключением выступили такие крайние, осуждаемые местным сообществом формы, как особая пышность (показное богатство) застолий и высокая стоимость садака. Характерным в этой связи является замечание одного из респондентов о том, что *«поминки по числу и разнообразию блюд на столе начали успешно соперничать со свадебными застольями»* (женщина, 49 лет, с. Латышовка Кадошкинского района).

В-третьих, происходит возвращение религиозного смысла в практикуемые погребальные ритуалы. По словам респондентов, долгое время людьми не осознавался глубокий сакральный смысл многих похоронно-поминальных обрядов, которые воспринимались в качестве привычных традиционных действий – «последних почестей завершившему жизненный путь», «поддержки людям». С распространением религиозных знаний среди рядовых верующих, появлением значительного числа священнослужителей с исламским образованием растет понимание канонического смысла исполняемых обрядов. Верующие при возникновении того или иного вопроса о специфике погребального комплекса чаще обращаются к первоисточникам – Корану и Сунне, которые выступают истиной в последней инстанции.

Заключение

Таким образом, похоронно-поминальная обрядность татар-мишарей региона во второй половине XX в. представляла собой погребальный комплекс, основанный в целом на мусульманских канонах. В то же время его отдельные религиозные обряды – предпогребальные, погребальные и поминальные – включали в себя устойчивые синкретические элементы неисламского характера, сформировавшиеся в условиях полиэтнического окружения, тесных межкультурных связей. Негативное влияние на размывание мусульманского фундамента погребальной обрядности оказали активная атеистическая пропаганда и прерывание преемственности религиозных знаний, обусловленное массовым закрытием мечетей, медресе и исчезновением духовных лиц с религиозным образованием. В конце XX – начале XXI в. в связи с процессами исламского ренессанса в регионе началось массовое открытие мечетей, стали возвращаться в места проживания выпускники зарубежных религиозных учебных заведений (преимущественно, заведений Саудовской Аравии и Египта), исчез недостаток специальной религиозной литературы, резко выросла численность номинально верующих и реально практикующих мусульманские обряды. Указанные процессы обострили в мусульманском сообществе региона диалог о каноничности или неканоничности некоторых обрядов, в частности в сфере погребения. В республике выделились поселения, в которых верующие ратовали за исключение из ритуальной практики татар любых синкретичных включений неисламского происхождения и за тщательное исполнение всех мусульманских обрядов.

Литература

1. *Аббас Али Хассон*. Семейная обрядность татар-мишарей мордовского края в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. – Саранск, 2007. – 22 с.
2. *Алексеев Н.А.* Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 239 с.
3. *Бареев М.Ю., Агишев Р.Р.* Региональные особенности некоторых традиций и обычаев в современном исламе // Регионоведение. – 2020. – № 2. – Режим доступа: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.1111.028.202002.303-321>.
4. *Иларион*. Православие: в 2 т. Т. 1. История, каноническое устройство и вероучение Православной Церкви. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. – 863 с.
5. *Корнишина Г.А.* Семантический статус бытовых предметов из металла в контексте обрядовой культуры мордвы // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2016. – № 3 (35). – С. 44–50.
6. *Минвалеев С.А.* Похоронно-поминальная обрядность карелов-людигов (по материалам первой этнографической экспедиции Р.Ф. Тароевой) // Труды Карельского научного центра РАН. – 2015. – № 8. – С. 104–112.
7. *Миннулин И.Р.* Исламское возрождение в татарской деревне Мордовии в советский и постсоветский периоды // Историческая этнология. – 2016. – Т. 1. – № 1. – С. 116–145.
8. *Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари: историко-этнографическое исследование. – Казань: Магариф, 2008. – 292 с.
9. Татары. – М.: Наука, 2001. – 583 с.
10. *Сапронова М.А., Чечевиников А.Л., Ярлыкапов А.А.* Становящееся научное сообщество. Сводный портрет исследователей российского ислама // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 122–136.
11. *Сидакова М.О.* Проблематизация значения понятия «синкретизм» и его синонимы // Религиоведение. – 2020. – № 2. – С. 42–52.
12. Сущность смерти и похоронный обряд: По мазхабу имама аш-Шафи'и; учебное пособие для студентов теологических и философских специальностей. – Махачкала: Институт теологии и международных отношений, 2009. – 394 с.
13. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967. – 538 с.
14. *Шарафутдинов Д.Р., Садыкова Р.Б.* Семейные и календарные обычаи и обряды татар. – Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров РТ, 2012. – 352 с.
15. *Ханаху Р.А., Цветков О.М.* Исламская община Республики Адыгея: текущая ситуация и тенденции развития // Социологические исследования. – 2014. – № 10. – С. 97–103.
16. *Щанкина Л.Н.* Этнокультурные традиции татар-мишарей Республики Мордовия в системе их жизнеобеспечения: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. – Саранск, 2004. – 22 с.

References

1. *Abbas Ali Hason*. Family Rites of the Mishar Tatars of the Mordovian region in the late 19th – Early 20th Centuries. Abstract of candidate's thesis. – Saransk, 2007. – 22 pp. (in Russian).

2. *Alekseev N.A.* Traditional Religious Beliefs of the Turkic-Speaking Peoples of Siberia. – Novosibirsk, 1992. – 239 pp. (in Russian).
3. *Bareev M.Ju., Agishev R.R.* Regional Features of Some Traditions and Customs in Modern Islam. *Regionologija [Regional Studies]*. – 2020. № 2. – URL: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.111.028.202002.303-321> (in Russian).
4. *Ilarion.* Orthodoxy. In 2 vol. History, Canonical Structure and the Teaching of the Orthodox Church. – Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2016. – 863 pp. (in Russian).
5. *Kornishina G.A.* The Semantic Status of Household Metal Objects in the Context of the Ritual Culture of the Mordovian. *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovanija [Humanities: Topical Problems of Humanitarian Science and Education]*. – 2016. – № 3 (35). – Pp. 44–50 (in Russian).
6. *Minvaleev S.A.* Funeral and Memorial Rites of Lyudik Karelians (Based on the Materials of the First Ethnographic Expedition of R.F. Taroeva). *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN [Proceedings of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences]*. – 2015. – № 8. – Pp. 104–112 (in Russian).
7. *Minnulin I.R.* Islamic Revival in the Tatar Village of Mordovia in the Soviet and Post-Soviet Periods. *Istoricheskaja jetnologija [Historical Ethnology]*. – 2016. – Vol. 1. – № 1. – Pp. 116–145 (in Russian).
8. *Muhamedova R.G.* Mishar Tatars: a Historical and Ethnographic Study. – Kazan, 2008. – 292 pp. (in Russian).
9. *Tatars.* – M., 2001. – 583 pp. (in Russian).
10. *Sapronova M.A., Chechevishnikov A.L., Jarlykapov A.A.* The Emerging Academic Community. A Multiple Portrait of the Researchers of Russian Islam // *Polis. Politicheskie issledovanija [Polis. Political Research]*. – 2020. – № 2. – Pp. 122–136 (in Russian).
11. *Sidakova M.O.* Problematization of the Meaning of «Syncretism and Its Synonyms» Concept. *Religiovedenie [Religious Studies]*. – 2020. – № 2. – Pp. 42–52 (in Russian).
12. *The Essence of Death and the Funeral Rite: According to the Madhhab of Imam al-Shafi'i: A textbook for students of theological and philosophical specialties.* – Makhachkala, 2009. – 394 pp. (in Russian).
13. *Tatars of the Middle Volga Region and the Urals.* – M., 1967. – 538 pp. (in Russian).
14. *Sharafutdinov D.R., Sadykova R.B.* Family and Calendar Customs and Rituals of the Tatars. – Kazan, 2012. – 352 pp. (in Russian).
15. *Hanahu R.A., Cvetkov O.M.* Islamic Community of the Republic of Adygea: Current Situation and Development Trends. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*. 2014. – № 10. – Pp. 97–103 (in Russian).
- Shhankina L.N.* Ethno-Cultural Traditions of Mishar Tatars of the Republic of Mordovia in the System of Their Subsistence. Abstract of candidate's thesis. – Saransk, 2004. – 22 pp. (in Russian).